

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
143
СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
86

Редакционный совет:

член-корреспондент РАО, д.и.н., проф. Л.С. Белоусов (со-председатель);
академик РАН, д.и.н., проф. С.П. Карпов
(со-председатель, основатель серии);
д.и.н., проф. Н.С. Борисов;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Л.И. Бородин;
д.и.н., проф. А.Г. Голиков; д.и.н., проф. С.В. Девятков;
д.и.н., гл.н.с. Л.В. Кошман; д.и.н. А.Р. Канторович;
академик РАН, д.и.н., проф. Ю.С. Кукушкин;
к.и.н. Н.В. Литвина; д.фил.н., проф. О.В. Раевская;
д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев; д.и.н., проф. С.В. Мироненко;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Е.И. Пивовар;
д.и.н. А.В. Подосинов; к.и.н., доц. Ю.Н. Роголев;
д.и.н. С.Ю. Сапрыкин; д.э.н., проф. В.В. Симонов;
член-корреспондент РАН, д.иск., проф. В.В. Седов;
к.и.н. О.В. Солопова; к.и.н. А.А. Талызина;
д.и.н. проф. Д.А. Функ

Москва 2018

Лазаревские ЧТЕНИЯ

ИСКУССТВО
Византии, Древней Руси,
Западной Европы

6 (XXXVII)

Материалы научной конференции

Памяти доктора искусствоведения,
профессора Ивана Ивановича Тучкова

2013 г.

УДК 7.03 (082)
ББК 85.103я43
Л17

СОДЕРЖАНИЕ

*Печатается по решению Ученого совета исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова от 05.12.2018 г. (протокол № 7)
на средства гранта Президента Российской Федерации для поддержки
творческих проектов общенационального значения
в области культуры и искусства*

Редколлегия:

Е.А. Ефимова, А.В. Захарова, О.С. Попова, Э.С. Смирнова, И.И. Тучков

Аннотации:

*Т.П. Кишибали, С. Аитова, Е. Догадкина, Н. Дядюнова,
Е. Дятлова, Р. Мусина, Ю. Сычева*

Рецензенты:

дисск., чл.-корр. РАН Вл. В. Седов, к.иск. Е.П. Игошина

Л17 **Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы.** Материалы научной конференции 2013 / Ответственный редактор М.А. Лопухова. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. – 388 с., цв. ил. – doi: 10.31453/kdu.ru.91304.0011.

ISBN 978-5-91304-866-0

В сборнике публикуются доклады, прочитанные в феврале 2013 г. на конференции, посвященной памяти выдающегося историка искусства, профессора В.Н. Лазарева (1897–1976). В соответствии с его научными интересами, статьи касаются искусства Византии, Древней Руси, Италии и других западноевропейских стран. Авторы статей – преподаватели и аспиранты Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, сотрудники других научных, учебных, музейных и реставрационных учреждений, зарубежных университетов и фондов. В статьях характеризуются актуальные проблемы современной истории искусства, приводятся новые сведения об известных памятниках и публикуются новооткрытые произведения. Книга рассчитана на студентов гуманитарных вузов, историков, историков культуры и искусства, всех интересующихся проблемами византийского и древнерусского искусства, европейского искусства эпохи Возрождения и Нового времени.

УДК 7.03 (082)
ББК 85.103я43

ISBN 978-5-91304-866-0

© Авторы статей, 2018
© Издательство «КДУ», 2018

А.Л. РАСТОРГУЕВ 7
Памяти Ивана Ивановича Тучкова

Византия

М.Н. БУТЫРСКИЙ 13
**Образ и стиль в ранневизантийской нумизматике
(V–VIII вв.)**

А.Ю. ВИНОГРАДОВ 31
**О происхождении крещатых столпов в древнейших
русских храмах**

А.Л. МАКАРОВА 40
**Фрески алтарной апсиды церкви Рождества Богородицы
в Бетании**

Е.А. ВИНОГРАДОВА 56
**Росписи юго-восточного придела собора в Гелати
и византийское искусство XIV в.**

Д.В. БЕЛЕЦКИЙ 93
Нузальский храм и его росписи

Древняя Русь

Г.П. ГЕРОВ 111
Чин водоосвящения в искусстве Средневековой Руси

Э.С. СМИРНОВА 136
**Св. мученик Трифон в образе воина. Редкая иконография
новгородского Погодинского Прблота и её истоки**

Д.А. ПЕТРОВ 154
**Скульптура на гербах Боровицких ворот Московского
Кремля**

А.С. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ 172
**Русские живописцы в Кахетии рубежа XVI–XVII веков.
 Росписи собора св. Георгия в Алаверди**

И.Л. БУСЕВА-ДАВЫДОВА 268
**О практике исполнения иконостасных комплексов во
 второй половине XVII – начале XVIII в. (На примере
 икон праздничного ряда церкви Св. Димитрия
 Солунского в Великом Устюге)**

Западная Европа

Н.А. АЗОВЦЕВ 279
**Декорация Испанской капеллы во Флоренции и церкви
 Сан Доменико в Пистойе: некоторые новые проблемы
 иконографии**

М.Ю. САВЕЛЬЕВА 302
**Геркулес снимает оковы. Два варианта одной
 ренессансной иконографии**

А.Н. ДОНИН 318
**Ироническое осмысление античности в искусстве
 немецкого Возрождения**

Н.Ю. МАРКОВА 332
**Художественное собрание семьи Мосоловых.
 Послесловие к выставке и перспективы исследования**

С.С. ВАНЕЯН 345
Алоиз Ригль и культ памятника – вольного и невольного

Abstracts 379

А.Л. РАСТОРГУЕВ

МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет

Памяти Ивана Ивановича Тучкова

Иван Иванович Тучков умер. Его фотографии на четвертом этаже все еще останавливают взгляд: их шесть или семь, он что-то обсуждает, читает лекцию, просто немного позирует в кадр или случайно поймана его замечательная улыбка. Он легкий, неприужденный, очень похожий на себя. Очень такой, каким он только что был. Но его больше нет.

Смерть кажется совсем неприменимой к нему. Неприложимой. Он был настолько полон жизни, радости, дел, забот и хлопот по факультету и кафедре, что его припадающая на быстром ходу чуть прихрамывающая поступь еще как будто за поворотом коридора, вот только что он был здесь; и фотографии кажутся более реальными, чем длинный уже зимний вечер, аудитории, собственные лекции и свои, они же и его, студенты. Как будто эти фотографии – окно в более правильный мир, где все течет по-старому, где такой же коридор, только с ним, и его можно найти, он читает субботнюю лекцию в Е 621, или же только вот ушел в Лазаревский кабинет, или у себя в кабинете заведующего кафедрой. Эта версия мира кажется более надежной, более настоящей, чем то, что осталось.

Я помню его примерно 40–42 года тому назад: тогда он производил впечатление бесшабашного, обаятельного и несколько непутевого малого. Внеуниверситетские студенческие развлечения, легендарные пивные того давнего мира и какие-то многодневные кутежи с Витей Головиным и Федей Заничевым, в компаниях, от которых мало кто теперь остался, в таком, если сослаться по привычке на историю искусств, удалом и разгульном стиле утрехтского караванджизма – эти развлечения он сам описывал с куда большей охотой, чем тогдашние семинары и лекции; и самой емкой его характеристикой тех лет могла быть чуть насмешливая, по-доброму, улыбка нашего общего учителя – Виктора Николаевича Гращенкова – «Ну что Ваня? Ваня – хороший парень..»

Мы мало пересекались в те годы. Но этот образ аспиранта, и в то же время как бы удалого молодца, немного гусара, немного – обаятельно-го и хитрого армейского ефрейтора, норовящего закосить в самоволку,

но бравого и исправного на виду у начальства, помнится очень отчетливо: как бы ни менялся Иван, это оставалось в нем, и было частью его обаяния и всегдашней, не по возрасту, молодости. Разговаривать с ним можно было скорее наполовину всерьез, чем о чем-то важном; он всегда оказывался как бы в стороне от серьезности, и что, собственно, составляло его внутренний мир, и что было за этим защитным блоком из чудной улыбки и похмельных историй, я не знаю. По-настоящему мне пришлось с ним близко общаться много позже, после трагической гибели Вити Головина.

Это был уже совсем другой человек, конечно. В том году ему пришлось без всякого желания, совершенно неожиданно взять на себя ответственность за сохранение кафедры, хотя представить его начальником чего бы то ни было я бы до того никак не мог; и делал он это по горячей преданности своим учителям, и по смирению, которое ясно выражал – это я должен занять кафедру Лазарева и Гращенкова? Я же знаю, кто я такой... Нужно было срочно стать доктором наук и преодолеть какие-то скрытые, но очень угрожающие турбулентности этого перехода управления самолетом из одних рук в другие; тогда мне пришлось по его просьбе редактировать текст его докторской. Материала там было что-то на 1200 страниц, и я в первый раз посмотрел на Ивана другими глазами – за этой личиной ухаря и беззаботного весельчака стоял оказывается человек редкой и многолетней начитанности. Он неутомимо и страстно вчитывался в историю и в историю искусств, и была очень ясно видна в положенном на стол громадном тексте его страстная любовь к источнику – многостраничные цитаты из римских авторов, выбранные очень дельно и к месту, часто заслоняли собой его собственные рассуждения и мысли: слушать древних ему было куда дороже, чем писать о них. С той поры непрерывным рефреном звучат, до самых последних встреч и дней с ним, слова его, то по телефону, то в коридоре на бегу – о книгах: ты знаешь, вышел Клавидиан. Ты знаешь, вышла вторая часть «Пира мудрецов» Афиня – он, как мне кажется, любил Рим больше Возрождения, хотя это, конечно, как раз и делало его человеком Возрождения: они-то тоже любили Рим больше, чем себя. Все мы, историки искусства, мимикрируем со временем под свой предмет исследования: византилисты делаются строги и отвлечены, и напоминают с лица древнюю икону с неизбежной печатью времени на ней; востоковеды уходят в тихий астрал, античники полны древней непринужденной мудрости, медиевисты носят невидимые латы, лекторам по советскому периоду недостает разве что маузера и красной косынки, а специалисты по современному искусству превращают

собственную жизнь и жизнь окружающих в перформанс. Так вот, Иван был человеком Возрождения, и в обратной, так сказать, перспективе времени его несколько декамероновская юность, и взрослая ученая значительность, озорство и воля, мастерство диалога с сильными и слабыми мира сего, упрямство в делах серьезных и куражная дурашливость на кафедральных празднествах – это настоящий цельный образ сильного, умного, деятельного ренессансного правителя, знающего меру умным словам древнего автора и доброму стакану вина, собственному тексту и письму к сильнейшим мира сего, войне и игре, шутке и важной торжественности.

Мы, коллеги, мало знаем друг друга в работе. Зайти на чужую лекцию кажется невозможной неловкостью, за статьями следишь только за теми, которые рождаются из докладов на Лазаревских чтениях, они-то на виду, а уж доклады на внеуниверситетских конференциях и публичные лекции – до последнего времени, когда их стали записывать – оставались вовсе неизвестны. Поэтому я не знаю, как читал Иван Рим и Возрождение, хотя слышал много студенческих восторженных похвал его структурности и демонстративной ясности слога и мысли. Что я видел и знаю, это его руководство кафедрой. Он был безо всякого преувеличения идеален в работе с коллегами. Внимателен, бережен, безупречно вежлив, он проводил самую тоскливую часть нашей работы, именно заседания кафедры, так, что это шло как бы и всерьез, и легко и кратко; он самые сложные и неприятные решения, если нужно было их принять, облекал в такие точные и сочувственные разъяснения, что с ним нельзя было не согласиться; и самое трогательное – после каждого такого заседания, когда на тебя падала какая-то ноша той или иной работы – ты был рад, что он тебя ценит и тебе доверяет. Наверное, именно это дипломатическое мастерство сблизило нашу кафедру и с музеями в годы его руководства, и с телевидением; все шло по нарастающей, открылись замечательные, немислимые ранее международные связи. Он не ставил это себе ни в какую заслугу, а просто радовался, что дело, общее дело, оттуда еще, от Лазарева, – пошло. Что все идет хорошо.

И тогда на него свалилась его последняя должность – декана исторического факультета. Не без его желания, заметим, он конечно был захвачен этим карьерным успехом, и для себя, и больше конечно для общего дела. За год до назначения он как-то дал мне понять, что дальше открывается некий новый уровень; я примерно понял, но не стал переспрашивать. Все будет иначе, сказал он. И как говорили его коллеги по этому, последнему для него уровню данной игры с жизнью – получилось тоже очень хорошо; в этом нет оснований сомневаться. То, что он задумывал

и делал, мало напоминало рутину прежних лет, и его огненный, обволаживающий, обезоруживающий нрав, дипломатическая пластичность и сознание при этом точной цели – здесь было это все тоже как свежий ветер – и все же, все же... Я проработал всю жизнь на историческом факультете, и декан – это не он. Деканами, проректорами, ректорами были люди маститые, медленные, с печатью неколебимой значительности на лице, несущие себя важно и величественно; деканы были очень партийные, очень связанные с неизвестными и еще более величественными структурами, очень недостижимые и официальные. Вся манера Ивана, открытая и легкая, вся его доступность и расположенность к тем, кто к нему обращался, все это все более и более с возрастом проявляющееся фамильное благородство – это не сюда. Он был совершенно живым в этом мире восковых фигур, которые в последний раз напомнили о себе речами на гражданской панихиде, говоря скорбные речи и прощаясь с ним. Я не знаю их, это другой мир, может, они превосходные ученые и достойные люди. Но чисто зрительно он был – иной. Думаю, что это его и погубило. Живому человеку трудно в царстве теней.

Господь знает, как ему это все непомерное его бремя давалось, а мы – не знали. Иногда он советовался со мной о самых непопулярных делах своих, стоивших ему много крови, или скорее бесчестия в соцсетях – скажем, по поводу истории с диссертацией Мединского. Не то что бы реально советуясь – решение он принимал только сам – но как бы проговаривая его, возражая себе – и все же отменяя эти возражения. Как слушатель и соглашатель этих его сомнений, я могу только сказать, что он не всегда мог, будучи начальником, а значит и подчиненным тоже, выбирать из хорошего и плохого. Часто выбор был между очень плохим и несколько все же лучшим... ну да что говорить, это обычная судьба человека, взявшего на себя серьезную ответственность дела. Генерал не может принимать решения, которые всем нравятся. Иначе он не генерал никакой. И тут, естественно, у людей безответственных, злобных и праздных всегда найдется повод для благородного негодования.

Единственное, что кажется мне в его манере управления неверным – он не умел и не любил прямого приказа. Мы, его коллеги, забывали, что мы его подчиненные, а не просто товарищи, и какие-то обязательно вмененные нам свыше учебные коллективные пособия (очень мало вдохновляющий жанр), были указаны нам к написанию, да вот не приказаны. И оставались годами в проекте. Боюсь, и не они одни. Он слишком берег и любил людей, чтобы приказать точно и жестко; он был слишком тактичен и обходителен для этого... и мы этим пользовались достаточно беззастенчиво, он – все более насмешливо и даже строго

улыбался, даже хмурился, даже почти гневался, но ясно же, что гнев не настоящий, и что – пройдет, проскочит и так...

Но вот для студентов это его качество было настоящим счастьем. Он помнил выпускников по фамилиям и темам дипломов долгие годы; он мог отозваться довольно критично, если не сказать язвительно, о той или иной очень уж неудачно писавшей, но докучливой студентке, но не хотел ей самой это показывать, и продолжал с ней заботливо работать; и я помню, с каким детским восторгом новоиспеченные магистры говорили после вручения диплома – он мне сказал вот это! И вот мне – это! – всегда слова, полные веры в учеников, слова окрыляющие и необычные, каждому свои, потому что всех он очень хорошо знал и помнил трудности работы, помнил, как нелегко шло дело к диплому – к победе – к выпускному празднику.

Что останется и что остается от этого всего? То, что он был первым искусствоведом – деканом исторического факультета? То, как отзывались о нем студенты? То, сколько народу в настоящих и страшных слезах едва вместила церковь Косьмы и Дамиана в Шубине? Не знаю. Главное мы все равно не сможем выразить. Я буду помнить почти ничего не значащие мелочи – каким движением он открывал записи тем на заседании кафедры, как держал ручку рукой, где костяшки указательного и среднего пальцев были увеличены – потому что затронуты вовремя, как казалось, остановленным артритом. Как заходил в его кабинет, и выпивал с ним 20 грамм – больше не положено – в каком-нибудь, лучше в длинном, перерыве между парами, и эти разговоры о делах и людях, какие-то отрывки давних и уже теперь не важных споров административного и частного характера; воспоминания детства, рассказы о камергере Елагине и бабушке Брауде и сплетни ранней, десятилетия назад, истории кафедры – все это смешалось теперь, и часто не помнишь, где, да и о чем говорилось. Помнишь только его лицо и очень хорошую интонацию разговора. Но смерть, как хороший ваятель, дорабатывает главные черты, и мы теперь не собьемся на мелочи. Он был очень хорош, исключителен, он был по-настоящему прекрасен. Про живых такое не говорят: значит, пришло время сказать.

Илл. 13. Юстиниан II, выпуск 705–711 гг.

Илл. 14. Филиппик Вардан (711–713 гг.)

Илл. 15. Лев IV и Константин VI (775–780 гг.)

Илл. 16. Никифор II (963–969 гг.)

А.Ю. ВИНОГРАДОВ

НИУ ВШЭ

О происхождении крещатых столпов в древнейших русских храмах

Если начиная с И.Э. Грабаря возобладала идея столичного происхождения древнейших памятников русской архитектуры, то в последнее время появились сомнения в их константинопольском характере. На них наталкивает присутствие в древнейших сохранившихся русских храмах, Св. Софии Киевской и Черниговском Спасе, элементов, не известных средневизантийскому зодчеству Константинополя, прежде всего, – крещатых столпов и выделенных подпружных арок, кладки cloisonnée и псевдо-меандра, а также отличное от столицы использование других элементов: карнизов, мозаики, мраморной облицовки¹.

В этой связи следует заново рассмотреть и вопрос о системе опирания сводов на структуры из крещатых столпов, пилястров и выделенных подпружных арок, которая характерна для домонгольской архитектуры Руси, начиная с самых ранних ее памятников: крещатые столпы мы встречаем уже в галереях Десятинной церкви (илл. 1), в наосе Св. Софии Киевской и Спасо-Преображенском соборе в Черниге (илл. 2, 3). Х. Шефер, а вслед за ним и А.И. Комеч² пытались увидеть в крещатых столпах древнерусских храмов местное изобретение, возникшее при совместной работе константинопольских и русских зодчих: первые могли быть знакомы с выделенными подпружными арками, известными в столице, впрочем, только в Гюль Джамии, да и то в субструкциях³. Однако против этого говорит распространенность не только выделенных подпружных арок⁴, но и именно крещатых столпов в византийской провинции, причем совершенно определенной.

¹ См.: *Виноградов А.Ю.* Св. София Киевская в контексте византийской архитектуры второй четверти XI в. // *Храм і люди. Збірка статей до 90-річчя з дня народження С.О. Висоцького.* К., 2013. С. 66–80.

² *Schäfer H.* Architekturhistorische Beziehungen zwischen Byzanz und der Kiever Rus im 10. und 11. Jahrhundert // *IstMitt.* Bd. 23–24. 1973–1974. S. 215–216; *История русского искусства.* Т. 1. М., 2007. С. 149.

³ *Schäfer H.* Die Gül Camii in Istanbul. Tübingen, 1973. Taf. 28.1.

⁴ Об их происхождении см.: *Schaff D.* Bay Articulation in Early Christian Architecture. Diss. Berkeley, 1974.

В таком количестве и качестве (как опоры купола) они используются в средневизантийское время массово только на северо- и восточно-черноморской периферии Византии. Прежде всего, это северная часть Абхазского царства (современная северная и центральная Абхазия), где так построены все храмы «абхазской» школы 1-й и 2-й трети X в.⁵ (илл. 4), а также средневизантийские Херсон⁶ и Трапезунт⁷ (илл. 5, 6). Встречаются они и в грузинской архитектуре X в. (картлийский храм в Церо⁸, кахетинские церкви в Икалто и Алвани⁹). Их популярность на Кавказе может быть связана с тем, что они широко использовались здесь еще в доарабский период (армянские храмы в Алче и Двине, грузинские храмы в Болнисе, Урбниси и Цроми), как и вообще на Востоке. Напротив, в балканской архитектуре они очень редки¹⁰, а в Константинополе и Малой Азии¹¹ вообще не встречаются.

⁵ Из полностью сохранившихся – это храмы в Лыхнах и Мокви, из не сохранивших оригинальные своды – церкви в Лоо, Веселом, Алахадзы, Бзыбской крепости, Мсыгхуа и Новом Афоне (все кон. IX – 2-й трети X в.; см.: *Рчеулишвили Л.Д.* Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси, 1988; работа по данной теме в настоящей момент готовится к печати нами совместно с Д.В. Белецким).

⁶ Это храмы № 21 и 34 (X–XI вв.; см.: *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). Л., 1950. С. 231–239).

⁷ Это ранние части Панагии Хрисокефалос (914 г.), а в Св. Анне и Накип Джамии на колонны опираются выделенные подпружные арки / крещатые столпы (см.: *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Византийское влияние на архитектуру Кавказа // ВВ. Т. 72. 2013. С. С. 205).

⁸ Описание памятников грузинской истории и культуры. Т. 5. Тбилиси, 1990. С. 46 (на груз. яз.).

⁹ *Чубинашвили Г.Н.* Архитектура Кахетии. Т. 1. Тбилиси, 1959. С. 94–97, 339–349.

¹⁰ В Греции известно, как максимум, всего четыре храма с подкупольными крещатыми опорами: церкви в Порто Лагосе и на горе Папикий (обе в археологическом состоянии), церковь Свв. Апостолов в Аргосе на Калимносе (*Κάπρας Μ.* Η αρχιτεκτονική του ναού των Αγίων Αποστόλων στο Αργόσ Καλύμνου // ΔΧΑΕ. 2009. Т. 30. Σ. 55–65) и церковь Св. Димитрия Кацури в Плисы близ Арты (*Βοκοτόπουλος Π.Λ.* Η εκκλησιαστική αρχιτεκτονική εις την δυτικήν Στερεάν Ελλάδα και την Ήπειρον από του τέλους του 7ου μέχρι του τέλους του 10ου αιώνας. β' εκδ. Θεσσαλονίκη, 1992. Σ. 56–69; *Παπαδοπούλου Β. et alii.* Τα βυζαντινά μνημεία της Ηπείρου. Ιωάννινα, 2012. Σ. 133–142), причем в двух последних крещатые столпы, вероятно, имеют ранневизантийское происхождение. В афинском храме Сотирас Ликодиму крещатые столпы между нартексом и наосом являются плодом позднейшей перестройки.

¹¹ Единственное возможное исключение – церковь Св. Троицы в Фурун-

Предположению о понтийском происхождении крещатых столпов в древнейших русских храмах вроде бы противоречат такие характерные для них элементы фасадной декорации как *cloisonnée*, ее имитация и меандр, которые свойственны скорее памятникам Греции. Однако недавние наши исследования¹² выявили несколько примеров тех же приемов и в Малой Азии, и на Кавказе. Так, разные варианты *cloisonnée* (с обработкой камня или без, с разным количеством плинфяных швов) известны на средневизантийском храме Св. Амфилохия в Конье, на построенных византийскими мастерами Пицундском соборе (ок. 970 г.?) и церкви Санагире в Кахетии (ок. 976 г.?). На двух последних памятниках мы встречаем также псевдо-меандр, а в Санагире – и другие фигуры, сложенные из кирпича. Широко распространен на Кавказе и зубчатый карниз.¹³

лу; храм св. Афанасия на Гюзелим Тепе близ Эфеса (обе см.: *Keil J., Von Premerstein A.* Bericht über eine dritte Reise in Lydien und den angrenzenden Gebieten Ioniens. Wien, 1915. S. 83–85), по любезному сообщению Х. Бухвальда, скорее всего, относится к XVIII–XIX вв., в том числе и ввиду равного размера ячеек наоса и перекрытия боковых ячеек купольными сводами. Другим важным показателем для Малой Азии является полное отсутствие крещатых столпов в пещерных храмах Каппадокии.

¹² *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Византийское влияние... С. 203–216.

¹³ Предположение о приходе мастеров на Русь из Абхазии высказывал еще Г.К. Лукомский (О происхождении форм древнерусского зодчества Чернигова. СПб., 1912. С. 12–20): он считал их родиной конкретно Абхазию. Однако уровень его аргументации не выдерживает сегодня никакой критики: абхазскую архитектуру он считает частью армянской, приписывает ей исключительно круглые снаружи апсиды и «ковровый» орнамент вокруг окон, сопоставляет полуоткрытые притворы абхазских храмов с притвором Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и указывает на некое «одинаковое членение стен». В последнее время к той же идее вернулся О.И. Иоаннисян (см., например: *Иоаннисян О.М., Ивакин Г.Ю., Черненко Е.Е.* О начальном периоде храмового зодчества на Руси // Владимир Святой и крещение Руси. Киев, 2014. С. 138–169). Однако, многократно упоминая об этом, он приводит всего лишь два аргумента, но «привычка к преимущественному использованию постелистых блоков камня в нижних частях» не исключительна для Абхазии и Алании, а такой прием, когда «хотя стены тщательно затирались цемяночным раствором, чтобы скрыть неровности кладки, мастера четко подрезали раствор по границе блоков, оконтуривая их», вообще не известен в этих регионах. Не помогает и гипотетическая связь с Абхазией и Аланией Тмутаракани (не говоря уже о фантасти-

Таким образом, комбинация двух не характерных для Константинополя архитектурных элементов – художественной декорации фасада и крещатых столпов, второй из которых не характерен для Греции, позволяет предположить, что последние могли прийти на Русь вместе с мастерами с северо- или восточно-черноморской периферии Византии. Однако другие элементы киевского и черниговского соборов – такие, как кладка со скрытым рядом и пучковые колонны – указывают на то, что на Руси работали и мастера константинопольского и элладского круга.

Кроме того, надо считаться и с такой возможностью, что крещатые столпы были заимствованы из северо- или восточно-черноморского региона только при строительстве Десятинной церкви¹⁴, а в Св. Софии Киевской и Черниговском Спасе – это подражание авторитетному образцу, адаптированное к иному плану и конструкции (что, впрочем, не исключает и позднейшего прихода мастеров из данного региона). В таком случае, идеальным претендентом на родину принесших на Русь крещатые столпы мастеров был бы Херсон¹⁵, который сыграл ключевую роль в христианизации Руси и, конкретнее, в истории Десятинной церкви. Ведь согласно Повести временных лет, после взятия Херсона-Корсуни «Володимеръ же поимъ цесарицу и Настасу и попы Корсуньския, мощи свягаго Климента и Фива оученика его, и пойма съсуды церковныя, иконы на благословенъе себе... взяша же идя мѣдянь 2 капищи и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею»¹⁶. Поэтому нет ничего невозможного в том, что Владимир взял в Киев и мастеров, особенно учитывая строительство им церкви в самом Херсоне после его взятия: «постави же церковь

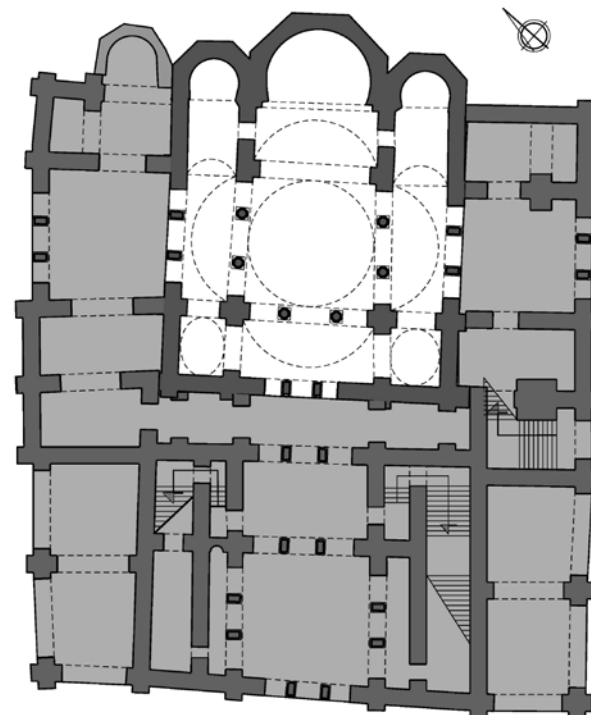
чекском утверждении о «Великой Алании, на территории которой до вхождения в состав Руси и находилась Тмутаракань») – раскопанный в Тмутаракани-Таматархе храм находит ближайшие параллели не в Абхазии и Алании, а в Херсоне (см.: *Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю., Елишин Д.Д.* Средневековый храм на Таманском городище и его архитектурный контекст // Труды Государственного Эрмитажа. 2017. Т. 96. С. 257–285.

¹⁴ Кроме того, следует помнить, что между Санагире и Св. Софией Киевской зияет хронологическая лакуна в полвека.

¹⁵ Разрушение всех средневизантийских храмов Херсона не позволяет судить об их кладке и декорации. Впрочем, в вышеупомянутом херсонском храме № 34 присутствовали такие элементы как мраморный наборный пол и настенная мозаика из смальты.

¹⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 101.

святого Иоана Предтечу в Корсунѣ на горѣ, иже ссыпаше средѣ града, крадуще приспу, и яже и церкви стоять и до сего дни»¹⁷. Херсон фигурирует и в летописном сообщении о закладке Десятинной церкви: «По сем же Володимиру живущю в законѣ крестьяньстѣм и помысли создати каменую церковь святыя Богородица и пославъ приведе мастеры от Грькѣ заченшо здати яко сконча зижка оукраси ю иконами и поручивъ ю Настасу Корсунянину и попы Корсуньския престави служити въ ней вда ту все еже бѣ възьлѣ в Корсуни иконы и ссуды церковныя и кресты»¹⁸. Наконец, после освящения Десятинная церковь и средства на нее были вверены именно херсонцу: «и положи написавъ клятву въ церкви сеи рекъ: аще сего посудитъ кто, да будетъ проклять, и власть десятину Анастасу Корсунянину»¹⁹.

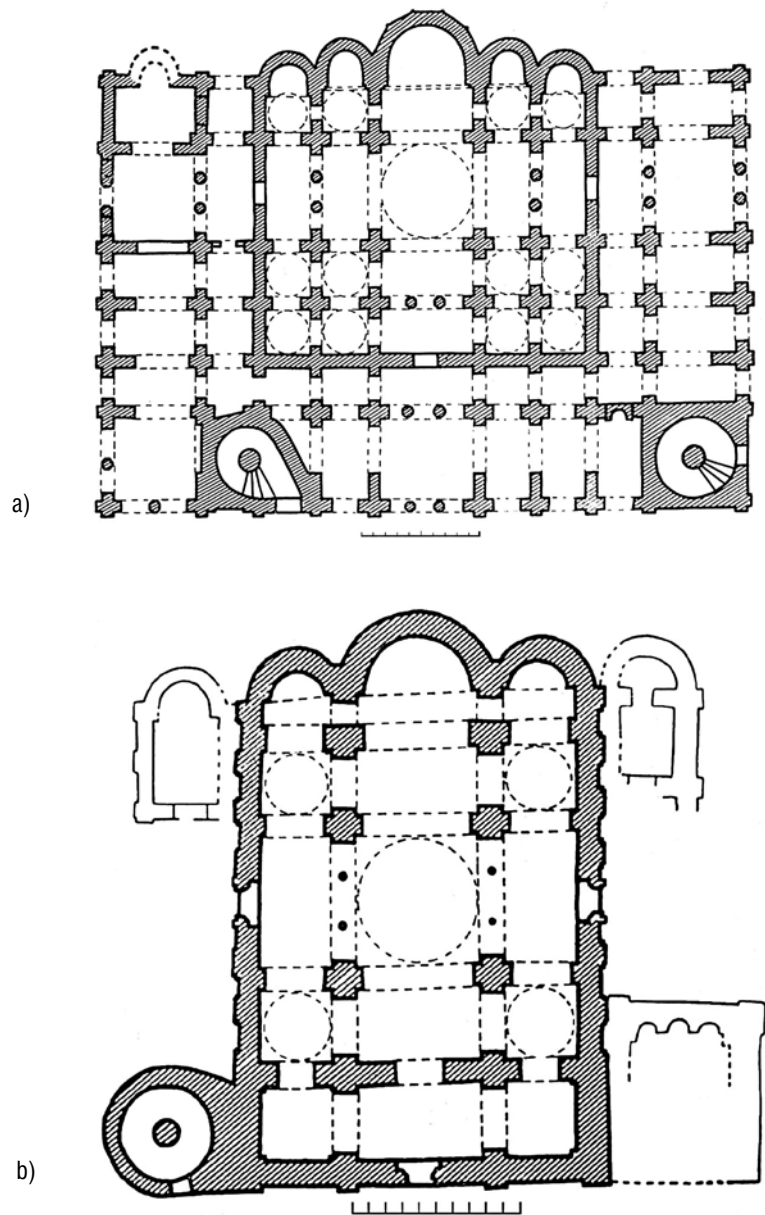

Илл. 1. Десятинная церковь. План (реконструкция П.Л. Зыкова)

¹⁷ Там же. Стб. 101.

¹⁸ Там же. Стб. 106.

¹⁹ Там же. Стб. 109.

Илл. 2. а) Св. София Киевская, план. б) Спасский собор в Чернигове, план

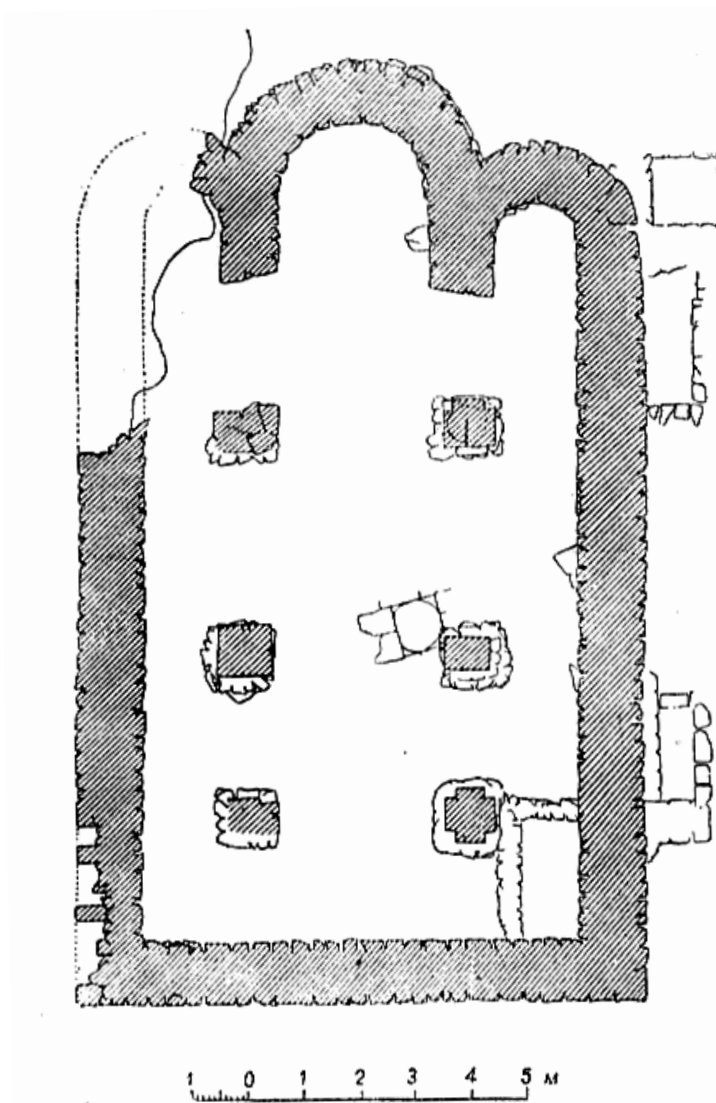
Илл. 3. Св. София Киевская. Интерьер, вид на север

Илл. 4. Храм в Лыхнах, Абхазия. Интерьер, вид на северо-западный столп

Илл. 5. Накип Джами в Трапезунте, Турция. Интерьер, вид на восток

Илл. 6. Храм № 34 в Херсоне. План

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Лазаревские чтения. Искусство Византии,
Древней Руси, Западной Европы**

Материалы научной конференции 2013 г.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «КДУ»

Подп. в печать 3.12.2018.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Times new roman». Печать цифровая.

Печ. л. 24. Тираж 400 экз. Заказ № Т-1878.

Отпечатано в типографии КДУ

ООО «КДУ»

Тел./факс: (495) 638-57-34

www.kdu.ru. E-mail: kdu@kdu.ru